

Миндадзе А.
Кинодраматург

1986. Нокт.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 1986,

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

11 октября 1986 г. 4

ДИАЛОГИ

ТАЛАНТ, ТРУД И «ГОСПОЖА УДАЧА»

Олег Янковский, Александр Миндадзе

— Что вы думаете о случайности «рождения» и «перождения» в нашем кино актера и сценариста? Иначе говоря, почему актер становится или не становится известным; как сценарист «выходит в свет», реализует свои возможности или терпит неудачу? Играет ли в этом роль случай или есть какая-то закономерность?

Олег Янковский. — Поскольку в кино я работаю около 20 лет и вроде бы «изнутри» наблюдаю за какими-то процессами, вот что мне кажется закономерным. Именно в кино, как нигде больше, время требует своего героя, а значит, и своего актера. Вспомним: на смену Борису Андрееву, Петру Алейникову на другом витке времени пришел Николай Рыбников. Романтический кинематограф «призвал» к себе Олега Стриженова. Потребовался интеллектуальный герой — и вот уже мы видим Алексея Баталова, Иннокентия Смоктуновского. Получается, что время диктует — кино находит. Но все быстро меняется. «Устоять» в кино надолго трудно.

Журналист. — А вот вы снимаетесь 20 лет подряд и все еще нужны...

Янковский. — Думаю, для того чтобы не выйти в тираж, чтобы остаться интересным зрителю, выход для артиста, по крайней мере для меня, единственный: стараться выразить именно свое поколение, которое впервые задумалось о многом. Тогда-то к моим актерским работам подключается в своем сопереживании определенная зрительская аудитория. Выходит — я нужен.

Может быть, в этом единственная возможность продлить свою жизнь в кино. Иначе получается какое-то декоративное присутствие. А это ненадолго.

Понимаю, наверное, здесь что-то от «сытой» позиции: хорошо, если имеешь такую возможность. А если нет? Ведь в нашей актерской жизни все шатко, все неустойчиво: никогда нельзя знать, будут ли такие сценарии и захотят ли пригласить на роль...

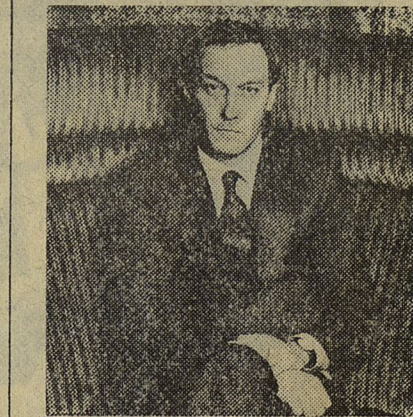
Александр Миндадзе. — Олег сказал точно о том, как время выбирает своих героев, как на смену человеку «с душой нараспашку» или человеку «со стальным взглядом» приходят иные. Меняется жизнь — и кинематограф, порою тернистыми путями, находит новое выражение, другие человеческие характеры. И сам артист Янковский — один из тех, кто стал явлением в нашем кинематографе. Он не просто интерпретирует роль, но и как личность несет в себе целый мир, который вступает во взаимодействие с драматургией, с кинокартиной.

Ну, а по поводу вопроса, что нужно, чтобы состояться в сценарной драматургии, мне кажется, можно ответить так. Будем говорить о писателе в кино. Нам, в кино, конца 60-х годов, посчастливилось, что годы учебы совпали с возрождением писательской кинолитературы — это было частью процесса, который можно назвать подъемом искусства в целом. Что говорить, всегда был Габрилович со своей писательской традицией в кино, но один Габрилович. А тут расцвет творчества Геннадия Шпаликова, Евгения Григорьева, Юрия Клепикова — ориентиры совсем близкие.

Так вот. Если человек пришел в кинематограф как писатель, его ждут трудности, разочарования. Далеко-далеко не всегда ведь выпадает возможность работать с режиссером, который творчески тебе близок.

Янковский. — А можно мне задать Саше вопрос? Я хочу разобраться. У тебя есть претензии к своей профессии? Что тебя не устраивает в ней? Другому сценаристу этот вопрос не задали бы. Но у тебя есть планы заняться литературой. Вот я и думаю: не будем говорить о романе или повести. Но пьеса, если действительно стоит того, — она остается на века. Ее ставят и ставят в театре разные режиссеры, в разное время. А киносценарии — нет. В лучшем случае однажды снимут фильм, и все. Может быть, сценарист и режиссер чувствуют пульс определенного времени, а завтра этот сценарий уже не нужен? Устарел — другие проблемы, темы волнуют?

Миндадзе. — Наверное, все зависит от ценности произведения, по которому ставится

Представить двух этих собеседников не составит труда: имена их известны. Народный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Олег ЯНКОВСКИЙ, артист Московского театра им. Ленинского комсомола, сыгравший в кино около пяти десятков ролей, и кинодраматург Александр МИНДАДЗЕ, также лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии РСФСР, автор сценариев кинокартин «Слово для защиты», «Поворот», «Охота на лис», «Остановился поезд», «Парад планет» и других.

Не случайно именно им захотелось задать ряд вопросов: этих мастеров связывает не только совместная работа над двумя из перечисленных фильмов, но и то, что они люди одного поколения, к тому же — единомышленники в искусстве. Итак, первый к ним вопрос:

кто будет играть? И тогда что-то перерабатываю на определенного актера. А в процессе съемок снова что-то меняю в сложившемся сценарии именно благодаря актеру. Он, артист и человек, его индивидуальность имеет для меня большое значение.

Журналист. — Скажите, сдвиг позиций — что стоит за этим? Почему это происходит? Было ли у вас такое или удавалось «устоять»?

Миндадзе. — Для меня главное — в творческой позиции. В том, что зависит от нас самих. Каждый раз у меня желание рассказать что-то новое и по-новому. Чтобы картина была интересной и содержательной. Чтобы был шаг вперед. Если есть угроза, что так может не выйти, не получиться — это сдвиг моих творческих позиций. Это меня тревожит.

Журналист. — И что вы в таком случае делаете?

Миндадзе. — Я работаю. Просто работаю. **Янковский.** — О времени нельзя не говорить. Сейчас, наверное, некоторым художникам будет стыдно. Каково это — увидеть свои бывшие картины на экране и сравнить их с теми, гораздо менее талантливыми, которые делают сейчас мы сегодня...

Журналист. — Вы хотите сказать, компромиссы приводят к тому, что иссякает талант?

Янковский. — Уверен в этом. Отступать со своих позиций — страшное дело. Но ведь есть в нашем кино и Алексей Герман, который был способен «устоять», тот же Александр Аскольдов, поставивший 20 лет назад фильм «Комиссар». Он ушел в другую профессию, но не сдал позиций. Тот же Александр Сокуров, режиссер с «Ленфильма». Только сейчас их картины выходят на экран. Так что от каждого зависит, какой путь выбрать.

Журналист. — А как в этом плане артист? Или к нему вопрос не имеет такого уж прямого отношения?

Янковский. — Имеет. Но вот что получается. Сценарист написал. Не стали снимать — сценарий остался. Режиссер снял. Фильм не пустили — все-таки он остался. Артист отказался от роли. Раз, два, три, пять — ничего не сделал, жизнь прошла. Поэтому тут все сложно. Никого не хочу осуждать. И себя тоже. Чего я не сделал — мог играть хуже, лучше, в средних фильмах, в плохих, но в бессовестных, безразветленных — ни разу.

Миндадзе. — Хотя актер — что тут говорить? Жизнь у него особенно коротечна. Но я согласен с Олегом: есть грани, которые человек не должен переступать.

Журналист. — Как обстоят дела со «своими» режиссерами, когда он есть в кино? А «чуждыми» — они чем бывают вызваны, может, желание «вырваться», что-то изменить в творчестве?

Миндадзе. — Не считаю для себя нужным «вырываться». Я и работаю в кинодраматургии потому, что у нас содружество с Вадимом Абдрашитовым. Понимаю, что, ради чего страдаю, не пропадет. Рядом — товарищ.

Янковский. — Я дополню, поскольку работал с ними. Это редкий, уникальный случай — счастливый творческий союз режиссера и сценариста. Они умеют изнутри, глазами сво-

его поколения исследовать время, в котором живут. Были 30-летними — «Слово для защиты». Поблизке к сорока — из мальчиков превращаются в «мужей», и вот уже «Парад планет», как бы соединивший небо и... Космос. Мне бы хотелось с этими людьми и в дальнейшем сотрудничать.

Миндадзе. — Я на это надеюсь.

Янковский. — Что касается театра, то ты приходишь к «своему» режиссеру, чтобы не служить, а... как бы это точнее? «Творить» — слово плохое. Чтобы не служить, а исповедовать. Хотя можно сказать и так: служить идее, самому себе, своему поколению. Если взаимоотношения с этим «своим» режиссером не изжили себя — только при этом условии переход от него к другому режиссеру я считаю изменой.

В кино же скорее всего не приходится говорить об измене. Ибо я не имею права заставить ни Абдрашитова, ни Балаяна каждый раз исследовать своего героя через меня, с моим участием. Им может понадобиться другой артист — и это естественно.

Журналист. — Как вы считаете, груз славы, то самое «испытание медными трубами» — трудно ли переносить его? У Олега Янковского, популярнейшего артиста, это выражается явче: узнают, просят автограф, эпатируют, бьются, дарят цветы. У Александра Миндадзе известность в более узких кругах, но вот недавно присуждена Итальянская ассоциацией культуры премия имени Эннио Флайано «Серебряный Пегас» за литературный вклад в кинематограф. Это почетно, очень престижно. Так вот что тут помогает «устоять»?

Миндадзе. — Я не знаю, как популярность может испортить писателя. Не встречал серьезного писателя, который бы стал хуже работать от того, что ему успех вскружил голову. То есть я знаю таких людей, но это несерьезные писатели. Считаю, что уверенность в себе помогает работать. Придает плодовитость, что ли. С другой стороны, у нас слишком велика литература в прошлом, чтобы быть очень уж плодовитым да и довольным собой.

Янковский. — Я даже удивился, что Саша начал отвечать, опередив меня. Все-таки это вопрос скорее не к драматургу, а к актеру. Актерская профессия — она на людях. А благодаря сегодняшним средствам информации ты, артист, известен не то чтобы стадиону — сразу улице, городу, стране. Все узнают тебя. Сказать, что этого не надо — значит зачеркнуть свою профессию. А как совладать с этой приятной отравой? Одним рецептом, мне кажется, могу поделиться: к своей профессии ни в коем случае нельзя относиться всерьез, но надо к ней относиться серьезно. Всерьез — слишком себя заважаешь, мол, все, что делаешь, просто гениально. И это гибель. Зато серьезно — это важный, мучительный процесс. Тут и нравственность твоя. И задачи — для чего ты пришел...

Журналист. — Когда говорят «свой зритель», как вам кажется, что это такое? Каким вам видится этот именно «ваш» зритель?

Миндадзе. — Когда пишу, не думаю об этом напрямую. Думаю о том, что хочу выразить. Но

существует не только качество сценария, а и качество зрителя. Есть недостатки сценария, затем и фильма — и недостатки зрителя. И происходит как бы постоянный разговор с ним. Мы с Абдрашитовым ничего не выдумываем, не преувеличиваем — рассказываем о нашей сегодняшней жизни, о сегодняшних людях. Они, люди, нас и понимают.

Думаю, даже уверен, что приспособляться и стараться потрафить чьему-то вкусу — это пагубно и для искусства, и для зрителя.

Янковский. — Скажу про себя. Я до сих пор для некоторых — Генрих Шварцкопф, разведчик, которого сыграл в давней картине «Щит и меч». Так в чем же дело? Может, не видели других моих работ? Нет. Наверное, это объясняется уровнем вкуса, еще точнее — уровнем культуры. А есть другой зритель, более интеллектуальный. Он уже иначе относится к этой работе, вовсе не был потрясен моей игрой. Значит, менее искушенного, менее подготовленного я покорила и в дальнейшем своей игрой переубедить, «перетянуть» на другой уровень восприятия не смог.

«Мой» зритель — он весь «мой», я ни от кого не хочу отказываться. Не хочу работать только для элитарного зрителя, но работаю, и с удовольствием, для него. Иногда робею перед ним. И в то же время я, как лекарь, должен помочь и тем, другим, менее подготовленным к тонкому пониманию искусства. Ведь сами мы за много лет бездумного отношения к зрителю внушили ему потребительский взгляд на то, что мы делаем, на нас, актеров, которые — так уж получается — ближе всех к зрителю. Вот и надо его, зрителя, «лечить».

Журналист. — У каждого человека, какова бы ни была его профессия, если он любит свое дело, бывает в этом деле «миг счастья». И — какой-то горестный час, день. А у вас?

Миндадзе. — Я бы так и ответил: счастливый миг — и горестный час, день. Соотношение именно такое.

Янковский. — Если вы не против, оставим это для будущих мемуаров. Вот вышла книга «Михаил Чехов». Этому артисту огромного дарования есть что о себе рассказывать. Мне рано. Я потом, на старости лет, напишу, если буду на это иметь моральное право. Не стану нужен для другого — займусь этим.

Журналист. — И последний вопрос. Ваше творческое кредо? А если кажется, что это звучит слишком «возвышенно», спрошу иначе: согласны ли вы с утверждением прекрасного писателя Федора Абрамова, что «надо будить, всеми силами будить в человеке человека»?

Миндадзе. — Думаю, сегодня очень важно возратить человеку человечность, совершенно солидарен с Абрамовым. И пришло время, когда мы наконец должны осознать себя: что мы есть такое, что есть наша история. Осознать реальность нашей жизни. И нам, тем, кто в силу своей профессии берется за перо, хорошо бы успешнее и убедительнее исследовать непростою действительность.

Янковский. — Каждый раз, в каждой роли артист является не автором, только соавтором. Если бы была возможность, выбрал в театре и кино ряд ролей, которые отвечали бы моему вкусу, человеческому кредо.

В этом смысле нельзя не упомянуть мое участие в таких спектаклях театра, как «Синие кони на красной траве» и «Диктатура совести». Работа в жанре прямой публицистики, самого актуального отклика на проблемы сегодняшнего дня, заставляет по-новому взглянуть и на то, что было, и на то, что будет. Дает новую точку отсчета в творчестве. Однако жизнь распоряжается нами так, что не всегда имеем возможность выбора, а порой не на все имеем право. Если задуматься, кредо у меня есть. Вот оно: замечательно играть! Это не значит, что у меня получается. Но стремлюсь. Замечательно играть добро, чтобы людям хотелось творить добро. Замечательно играть зло, чтобы в людях не было зла. Вот так.

Беседу вел
Евгения КАБАЛКИНА.
Фото В. Плотникова.